

ГЛАВА 1

АРХАИЧЕСКИЕ МИФЫ. ДЫХАНИЕ МИФОВ О ТВОРЕНИИ

*В давние-давние времена
взял Майтрея* в руки два блюда – серебряное и золотое –
и воззвал к небесам.*

*Тогда упали с неба букашки:
пять на золотое блюдо и пять на серебряное.*

*Когда они выросли, золотые букашки превратились в мужчин,
а серебряные – в женщин.*

Они поженились, и от них и произошли люди.

Ким Сандори (Хамхын) «Чхансега»

Как возник мир, в котором мы живем? Как появились люди и заселили эту землю? Вот основные и самые типичные вопросы, на которые отвечают мифы. Недаром их часто называют историями о происхождении мира. Мифологии разных народов через символы и архетипы дают ответы на эти вопросы. Такие мифы называют космогоническими, или мифами о творении. С них и стоит начать наш разговор.

* Корейский вариант имени – Мирык.

Какие мифы о творении известны в Корее? Назвав «Миф о Тангуне», мы будем правы лишь наполовину. Хотя в нем и говорится о священном творении, речь идет о возникновении страны – первого корейского государства Древний Чосон. Но его появлению и заселению предшествовало рождение мира и людей. Истории, передающие эти события, представляют собой гораздо более архаичные мифы.

В Корее мифы о творении, повествующие о начале времен, имеют устную традицию. Она гораздо древнее письменной и существует несравнимо дольше истории самой страны. Ее появление можно отнести ко времени возникновения языка. Суть устной традиции представляет собой рассказ. Фундаментальные идеи и опыт, которые нельзя было предавать забвению, люди облекали в слова и передавали из уст в уста. Устная традиция весьма вариативна, но в то же время достаточно надежна. Основные мотивы и структура сюжета не слишком подвержены изменениям. Повествование может заключать в себе вековую, тысячелетнюю и даже стотысячелетнюю историю.

Корейские мифы о творении – это в первую очередь «Чхансега» («Песнь о творении») из провинции Хамгёндо, а также «Чхогамчже» («Первичная церемония призвания»)* и «Чхончжи-ван понпхури»** («Песенный сказ о небесном владыке») с острова Чечжудо. Шаманская песнь «Сирумаль» из округа Хвасон – еще один устный миф, содержание которого связано с историей сотворения мироздания. Помимо этого, космогонические мотивы присутствуют во вступительной части ритуальных шаманских песнопений, таких как «Тангым» из «Чесок понпхури». Другими примерами могут служить «Сенкут»*** (г. Хамхын), «Самтхэчжа-пхури» (г. Пхеньян), «Песнь о Тангомаги» (г. Каннын). Из многочисленных мифов о творении «Чхогамчже» и «Чхончжи-ван понпхури» и по сей день исполняются в селениях острова Чечжудо.

По сравнению с мифами о принцессе Пари, Тангым или Чхильсоне («Пари-тэги», «Тангым», «Чхильсон-пхури»), мифы о творении встречаются реже, их содержание лаконичнее. Недостаток источников сказывается на последовательности повествования и степени

* Чхогамчже – начальная церемония шаманского ритуала на острове Чечжудо, в ходе которой шаман призывает богов.

** Понпхури – миф о происхождении.

*** Кут – шаманский ритуал.

завершенности сюжетов. Ситуация становится понятной, если вспомнить, что боги в корейских мифах о творении не управляют такими аспектами земного бытия, как жизнь и смерть, благополучие и богатство, счастье и радость. Традиционное народное мышление склонно придавать большее значение реальной действительности, вследствие чего развитие получили сюжеты о божествах, имеющих глубинную связь с повседневной жизнью.

Но хотя источники выглядят несколько фрагментарными и хаотичными, каждая строка в них хранит первичные образы космоса и человека. Если отбросить недоверие к устному преданию и погрузиться в него, можно соприкоснуться с древней тайной, сокрытой в архетипических мотивах этих изумительных историй.

МИР ВОЗНИК ИЗ ХАОСА, ЧЕЛОВЕК СПУСТИЛСЯ С НЕБА

Первая часть корейского мифа о творении передает историю появления неба и земли. Любопытно, что это событие описано не как сотворение бытия из небытия, а как разделение уже существовавшего. Согласно мифу, небо и земля вплотную прилегали друг к другу или даже представляли собой общую субстанцию. Что означает подобное состояние неразделенности? Пожалуй, его правомерно назвать хаосом: небо еще не было в полном смысле небом, земля – землей, и на этом этапе рано говорить об их самостоятельном существовании. Пока не установлен космический порядок, не разделены верх и низ, свет и тьма, легкое и тяжелое, ясное и мутное. С разделением неба и земли наконец возникает космос. Момент их разъединения может считаться началом творения.

Источники передают это событие по-разному. В одних говорится, что, когда пришло время, небо и земля разделились сами собой, вследствие чего возник мир и все сущее; другие приписывают это вмешательству некоего огромного божества. Ученые сходятся во мнении, что мотив участия гигантского бога первичен. «В первый год, первый месяц, первый день, первый час шестидесятилетнего цикла небо и земля разделились». Даже если пытаться увидеть в этом

пассаже отражение даосской мысли, он представляется довольно скучным. Мотив раскола имеет смысл, если с ним связан определенный нарратив. Вот как рассказывает о рождении вселенной шаманка Ким Ссандори из Хамхына в песне о творении «Чхансега» (Священные песнопения Чосона / под ред. Сон Чинтхэ. Издательство «Хянтхомунхваса», 1930):

*Прежде чем возникли небо и земля,
появился Майтрея.
Небо и земля плотно прилегали друг к другу и не расходились.
Майтрея оттянул небо от земли, придав ему форму крышки
от горшка,
возвел по четырем сторонам света медные колонны.
В те времена всходили два солнца и две луны.
Снял Майтрея одну луну – и превратил в созвездия на севере
и на юге.
Снял одно солнце – и превратил в большую звезду.
Малые звезды отвечали за судьбы народа,
большие покровительствовали королям и министрам.*

Итак, бог-исполин по имени Майтрея разделил небо и землю и установил во вселенной порядок. Содержание истории выглядит простым, однако ее смысл глубже, чем может показаться.

Согласно этому мифу, вначале небо и земля были едины. Именно тогда и появился Майтрея. Бог стал первым существом, возникшим вместе с хаосом. Бог-творец, разделивший руками небо и землю, имеет облик исполина. Если рассудить, то это вполне естественно, ведь он пребывал в мире Великого хаоса. Представление о демиурге как исполине встречается в мифах разных стран, и это не случайно.

Интересны также образы неба и земли. Когда Майтрея пытался приподнять небо, оно приняло форму крышки от горшка. Но вот зачем понадобилось воздвигать с четырех сторон колонны? Возможно, причина в том, что небо и земля стремились обрести изначальное единство. С тех пор и по сей день небо шлет земле солнечный свет, дождь и снег, а земля растит деревья и травы, посылая в небо энергию, и в этом можно видеть их тягу друг к другу. Подобный динамизм верха и низа сделал пространство между небом и землей местом невероятных перемен. Место, где каждые сутки день сменяет ночь,

чередуются времена года, существует бесконечный круговорот жизни и смерти, – таков мир, в котором мы живем.

История создания вселенной в «Чхансега» впечатляет, но правда и то, что она выглядит несколько шаблонной. Особенно из-за того, что разделение неба и земли и сотворение светил приписывается богу-исполину. Хочется большего драматизма и динамики. Все это можно найти в мифе о творении с острова Чечжудо; там мы встречаем другого бога-великана – Тосумунчжана.

В начале времен взглянул Нефритовый император Тосумунчжан на мир и увидел, что земля и небо слеплены друг с другом, точно рисовая лепешка, и пребывают в полном смешении. С этого момента и начинается история неба и земли. Одной рукой поддерживая небеса, а другой отталкивая землю, Тосумунчжан приоткрыл небо с севера и северо-запада, а землю – с северо-востока. Хвост востока оказался у головы запада, а хвост запада – у головы востока. Небо и земля раскрылись, и в пространстве между ними возникли горы и воды. Из-под горы вышла вода, из-под воды вышла гора – так они и разошлись.

В мире появились тридцать тысяч тридцать три неба: три в вышине, три над землей, три под землей... Небеса были голубыми и ясными, а землю покрывал белый песок. В то время в мире царила крошечная тьма: не было ни солнца, ни луны, ни звезд. Потом стали всходить звезды. Над восточными горами зажглась Утренняя звезда, на западе – Белая земная; на юге – Звезда старика, а на севере – семь звезд Малой Медведицы. Появились великие звезды Вонсон, Чинсон, Моксон, Кансон, Кисон, Кэсон, Тэсон, а в середине неба – звезды Юксон, Соми, Чиннё, Тхагван, Нокти, Пагок, Хвантхо. После того как звезды Чиннё и Кёну встретились на Птичьем мосту и обручились, с неба стала падать роса, а с земли подниматься водяной пар – так инь и ян сообщались друг с другом.

Кто же тогда родился? Это был Панго (Паньгу), мальчик в голубых одеждах. Он имел два глаза на лбу и два на затылке. Увидев это, Тосумунчжан забрал у Панго передние глаза и прилепил их к небу на востоке – так появились два солнца. Забрал два задних глаза и прилепил к небу на западе – так появились две луны. Солнца и луны всходили парами, и потому днем стояла нестерпимая жара, а по ночам землю сковывал ледяной холод.

В те времена появились поднебесный и подземный миры. Призраки жили в темноте, а люди – при свете. У призраков было по четыре глаза, и потому им были видны оба мира: и земной, и потусторонний. Люди же имели только два – они видели друг друга, но не могли видеть призраков. Король Тэбёль завладел красным флагом и стал править миром мертвых, Собёль-ван завладел синим флагом и стал править миром живых. На земле распространились буддизм и даосизм, появились сонмы святых, короли и обычные люди.

Такова история разделения земли и неба и появления небесных светил, представленная в «Чхогамчже». Ее поведал шаман Ко Чханхак из Андокмёна на острове Чечжудо (Чин Сонги. Энциклопедия шаманских песен Чечжудо. Издательство «Минсоковон», 1991). В «Чхогамчже» время, когда небо и земля были едины, описывается как небесно-земное «смешение». Это выражение как нельзя более точно отражает состояние первозданного хаоса, в котором пребывала вселенная на заре своего существования. Из хаоса мир вывел Тосумунчжан, отделив небо от земли. Судя по описанию – одной рукой поднял небо, а другой оттолкнул землю, – Тосумунчжан тоже был богом-исполином.

Под «Нефритовым императором» здесь подразумевается небо. Такое наименование исполина-демиурга отражает представления о том, что источник творения находится на небе, а не на земле. Взгляд на небо как на центр мироздания – универсальная черта корейской мифологии, она встречается не только в мифах, но и в легендах

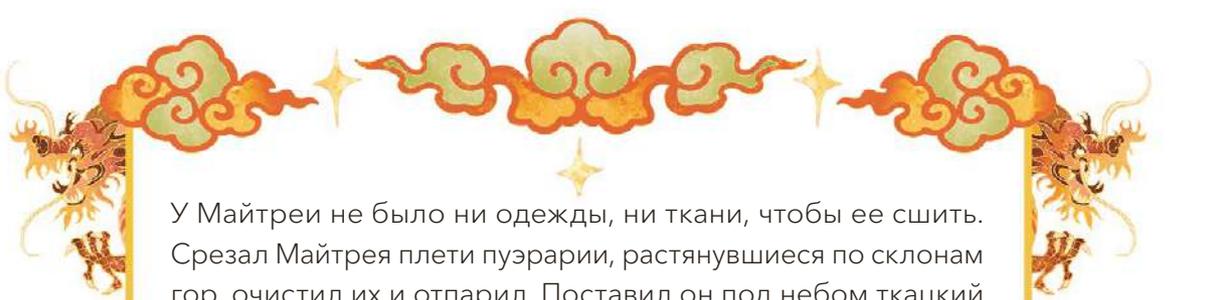
[Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа](#)

об основании страны. Однако этот миф не умаляет роли земли. Слова о том, что с неба на землю сходила роса, а с земли в небо поднимался водяной пар, благодаря чему осуществлялось их гармоничное событие, подтверждают, что земля считается полноценным партнером неба.

Любопытна история появления Панго. В зависимости от источника, он называется то по имени, то просто «мальчик в голубых одеждах», но речь идет об одном и том же персонаже. Образ бога-творца Панго (кит. Паньгу) широко представлен в восточноазиатской мифологии. Можно предположить, что вышедшее из земных недр некое «голубое существо жизни» позже под влиянием китайской традиции получает новое имя. Поскольку китайский Паньгу – бог-исполин, то и мальчик в голубых одеждах Панго, несомненно, был великаном. Это хорошо видно из сцены превращения его глаз в солнце и луну. Примечательно, что корейский миф описывает происхождение небесных светил от существа сугубо земной природы. Перед нами парадоксальная космология: получается, что свет произошел из подземельной тьмы. В некотором смысле это противоречит логике мироздания, однако, учитывая, что небо и земля изначально представляли собой единое тело, можно предположить существование света в недрах земли. На самом деле так оно и есть, ведь земля заключает в себе бесконечную энергию жизни и великое тепло.

Когда разделенные небо и земля в паре формируют основу вселенной, возникают два параллельных мира. «Тот свет» представляет собой сферу темного и красного, место обитания призраков; «этот свет» – пространство яркого и синего, мир живых людей. Примечательно, что призраки видят противоположный мир, а люди нет. Яркость и жизнь имеют ограничения, таким образом достигается принципиально важное равновесие. Возможно, сами яркость и жизнь не позволяют видеть ничего за их пределами. Управление каждым из миров поручено братьям Тэбёль-вану и Собёль-вану. Историю об этом мы рассмотрим подробнее ниже.

Мир создан, базовая структура сформирована, и в последующем повествовании раскрываются истории новых вещей. В этом отношении примечательна песнь о творении «Чхансега» из Хамхына. В ней говорится о происхождении одежды, воды и огня, появившихся сразу вслед за небом и землей.

У Майтреи не было ни одежды, ни ткани, чтобы ее сшить. Срезал Майтрея плети пуэрарии, растянувшиеся по склонам гор, очистил их и отпарил. Поставил он под небом ткацкий станок, подвесил ремизки в облаках и смастерил себе одеяние. Сделал Майтрея из плетей пуэрарии робу-чансам длиной в один пиль с рукавами в полпиля, с ластовицей в пять ча*, с воротом в три ча. Смастерил и колпак-коккаль: сперва отмерил ткани один ча и три чхи**, да оказалось мало; отмерил два ча и три чхи – тоже не хватило; только когда взял Майтрея три ча и три чхи, колпак пришелся впору.

Ел Майтрея сырую пищу. Огня не разводил, глотал твердое зерно мешками и корзинами – нелегко ему приходилось. Вот и решил Майтрея раздобыть огонь и воду. Поймал он кузнечика, стал бить его по ногам и допытывать:

- Отвечай, кузнечик, где добыть огонь и воду?
- Откуда мне знать? Ночью я питаюсь росой, а днем – солнечным светом. Спроси лучше лягушку – она родилась на год раньше меня.

Поймал Майтрея лягушку, стал бить ее по ногам и допытывать:

- Отвечай, знаешь, где добыть огонь и воду?
- Откуда мне знать? Ночью я питаюсь росой, а днем – солнечным светом. Поймай лучше мышь – она родилась на два года раньше меня. У нее и спроси.

Поймал Майтрея мышь, стал бить ее по лапам и допытываться:

- Отвечай, знаешь, где добыть огонь и воду?
- А что ты мне за это дашь? – спросила мышь.
- Отдам тебе во владения все амбары этого мира, – пообещал Майтрея.

Тогда мышь ему сказала:

* Ча – старинная мера длины, равная 30,3 см.

** Чхи – старинная мера длины, равная $\frac{1}{10}$ ча.

– Ступай на гору Кымдонсан, возьми там кусок кремня и железа, стукни ими друг о друга – и будет тебе огонь. А на горе Сохасан найдешь ключ – там и добудешь воду.

Так Майтрея узнал, как добыть огонь и воду.

В мифах о творении мотив поиска одежды, огня и воды имеет особое значение. Рассказ о том, как люди стали одеваться и готовить пищу, – это начало повествования о цивилизованной жизни. Можно сказать, так фиксируется переход от первобытности к цивилизации.

Любопытно, как миф обыгрывает эту ситуацию: бог-исполин мастерит одежду на гигантском ткацком станке, достоящем до самых небес. Здесь запечатлен грандиозный акт творения, в ходе которого устанавливается новый миропорядок, цивилизационное переустройство – при непосредственной связи с небом – земного бытия, метафорически представленного плетями пуэрации.

Но важен не только сам акт творения. Заметим, весть о воде и огне приносит земная тварь. Смешно и подумать: бог-исполин ловил и пытал мелких, почти не заметных глазу существ, вроде кузнечика, лягушки и мыши. Наши предки были не лишены чувства юмора. Однако, если вдуматься, можно увидеть здесь глубокий смысл: миф подчеркивает, что земные твари знают этот мир лучше великих богов. Мышление древних людей было ориентировано на землю. Достаточно вспомнить среду обитания мышей, заселяющих все уголки мира, чтобы согласиться: среди прочих существ именно мыши могли быть известны источники огня и воды. В том, что она получает от бога-творца право владения всеми амбарами на свете, отражено представление древних людей, что великие космические дела тесно переплетены с малыми повседневными.

Корейские мифологические источники не содержат конкретных упоминаний о растениях и животных, об их появлении в этом мире. Из мифов можно понять лишь то, что они издревле существовали на земле, как это видно на примере пуэрации, кузнечика или мыши

из предыдущей истории. Отдельных рассказов о происхождении живых существ не встречается; это свидетельствует о том, что интереса к подобным вопросам не было. Исключение представляют только люди.

Корейская мифология знает несколько разных историй о происхождении человека. В одной говорится, что люди появились спонтанно, когда пришло время; в другой – что человека слепил из красной глины бог; третья повествует о спустившихся с неба букашках, которые выросли и превратились в людей. Последний вариант в научных кругах принято рассматривать как уникальный корейский архетипический сюжет. Он также содержится в «Чхансега».

В давние-давние времена взял Майтрея в руки два блюда – серебряное и золотое – и воззвал к небесам.

Тогда упали с неба букашки: пять на золотое блюдо и пять на серебряное.

Когда они выросли, золотые букашки превратились в мужчин, а серебряные – в женщин.

Они поженились, и от них и произошли люди.

В этом внешне простом эпизоде содержится немало заслуживающих внимания моментов. В первую очередь примечательна избранность человека. В отличие от других живых существ, люди появились в мире по воле бога, как результат его деяния. Тот факт, что прапредки людей спустились с небес и светились серебром и золотом, говорит о том, что человек – существо, наделенное высшей энергией. А значит, люди по своей природе связаны с небесными божествами. Будучи потенциально двойником бога, человек

заключает в себе божественное начало. Это представление лежит в основе корейского мифологического сознания.

Уникальность данного сюжета состоит в том, что в нем показано не рождение людей сразу в идеальном человеческом облике, а их происхождение от букашек. В этой версии о постепенном превращении насекомых в людей можно видеть отражение эволюционизма, противопоставленного креационизму, согласно которому человек был сотворен по воле бога. В корейской мифологии креационизм и эволюционизм тесно переплетены.

Важен и семантический контекст, связанный с идеей «роста». Согласно мифу, вначале человек являл собой маленькую примитивную форму жизни и только впоследствии вырос и обрел свой настоящий облик. Это представление качественно отличается от идеи о том, что человек изначально был сотворен в идеальной форме. В процессе взросления его питает энергия земли; таким образом, человек не просто проекция небесного бога, а существо, рожденное из гармонии духа земли с духом неба. Вероятно, это первый случай, когда энергии земли и неба соединяются в одном существе, что делает человека особенным. Именно люди идеально подходят для жизни в динамичном мире между стремящимися друг к другу небом и землей. Стоящий ногами на земле, с лицом, обращенным к небу, человек в полной мере является главным героем этого мира.

Стоит обратить внимание на то, что появляется не одна, а сразу пять пар мужчин и женщин. Конечно, это правомерно рассматривать как способ избежать кровосмешения, но можно поискать и другой смысл. По моему мнению, таким образом миф объясняет разнообразие человеческих личностей. Каждый из нас обладает уникальной внешностью, характером, способностями, и предание о десяти первопредках естественным образом объясняет такую многообразность. Видимо, десять представлялось нашим предкам оптимальным числом, чтобы отразить идею разнообразия.

Будучи двойником бога, человек является особым существом. Как мы увидим далее, в корейских мифах многие люди превращаются в богов. Однако даже если этого не происходит, после смерти человек не исчезает. Тело умирает, но душа как вместилище божественного духа продолжает существовать. Место ее обитания – потусторонний мир. Как упоминалось ранее, «тот свет» и «этот свет» составляют пару инь и ян. Называя «тот свет» жилищем человеческой души,

я хочу подчеркнуть, что это мир, тесно связанный с людьми. «Этот свет» и «тот свет» представляют собой передний и задний фасад, внешнее и внутреннее пространство человеческого мира.

После появления в мире людей трудно найти следы глубокого вмешательства богов в их жизнь. Кажется, боги совсем не участвуют в земных делах и человек предоставлен самому себе. Может быть, земная юдоль с ее нескончаемым круговоротом суток, времен года, жизни и смерти кажется им опасной? Или же боги слишком заняты устройением собственного мира? Как бы то ни было, совершенно ясно, что пространство бесконечных перемен не самое подходящее место для богов. Зато оно как нельзя лучше подходит для тех, кто родился и вырос в нем.

ЧХОНЖИ-ВАН И СУМЁНЧАНЧЖА, ТЭБЁЛЬ-ВАН И СОБЁЛЬ-ВАН: ВНАЧАЛЕ БЫЛА ССОРА

Был ли тот древний мир для людей раем – или наоборот? Ответ уже известен. В те времена на небо всходили два солнца и две луны. Людям приходилось терпеть невзгоды и бороться за выживание.

Вначале днем и ночью мир покрывала тьма, поэтому невозможно было различить стороны света. В то время на юге во Дворце солнца и луны явился мальчик в голубых одеждах с глазами на лбу и на затылке. С небес, из Нефритового дворца, спустился Тосумунчжан, снял с его лба два глаза, благословил восток – и взошли два солнца; снял два глаза с затылка, благословил запад – и взошли две луны. Солнца и луны осветили мир, но сделали его непригодным для жизни: днем люди изнывали от зноя, а ночью замерзали от холода.

В те времена жил на земле безжалостный Сумёнчанчжа. Держал он девять яростных лошадей, девять волов и девять собак. Животные были настолько свирепы, что людям, страдавшим от притеснений Сумёнчанчжи, никак не удавалось найти на него управу.

Однажды поднял Сумёнчанчжа взгляд на небесного короля Чхончи-вана и заявил:

– Никому на этом свете меня не одолеть!

Его слова возмутили Чхончи-вана, и король в сопровождении ста тысяч воинов спустился на землю. Он пришел к дому Сумёнчанчжи, сел у ворот на ветку ивы и принялся творить чудеса. Околдованная корова тут же взобралась на крышу и замычала, а из дома вышел котел и стал расхаживать по двору. Однако Сумёнчанчжа ничуть не испугался. Тогда Чхончи-ван повязал ему на голову свой платок. Почувствовав сильную боль, Сумёнчанчжа закричал слуге:

– Ой, как больно! Скорее разбей мне голову топором!

«Вон какой дерзкий!» – изумился Чхончи-ван и, сняв с головы Сумёнчанчжи платок, отступил.

На обратном пути Чхончи-ван зашел в дом старушки Пэкчжу.

– Я у вас переночую, – сказал он хозяйке.

– Мы живем бедно, как мы можем принять таких гостей? – ответила та.

– Об этом не беспокойтесь, – сказал Чхончи-ван и ступил на порог.

Хозяйка засуетилась: ей нечего было подать гостю на ужин.

– Ступай к Сумёнчанчже, попроси у него риса, – велел ей король.

Старушка Пэкчжу так и сделала. Вернувшись с рисом, она наварила каши и накормила Чхончи-вана и сто тысяч воинов. После ужина небесный король лег спать. И вдруг посреди ночи слышит он шорох: кто-то расчесывает волосы нефритовым гребнем.

– Это дочь моя, – сказала хозяйка.

Чхончи-ван позвал девушку и увидел, что она прекрасна, как фея из Лунного дворца. В ту же ночь они стали мужем и женой. На третий день король собрался возвращаться на небо.

– Как же я тут одна останусь? – спрашивает его супруга. – А если дети родятся?

– Ты будешь зваться Пагиван и станешь владычицей мира. А родятся дети – назови их Тэбёль-ван и Собёль-ван. Вот залог, что они встретятся со мной: отдай им эти два тыквенных семечка, пусть посадят в день быка первого лунного месяца. Тогда ко дню быка четвертого месяца вырастут плети, и по ним мои сыновья поднимутся на небо.

Прошло десять месяцев, родила дочь старушки Пэкчжу двух сыновей и назвала их Тэбёль-ван и Собёль-ван. Когда исполнилось братьям семь лет, пришли они к матери и спросили:

- Кто наш отец и где он?
- Ваш отец король Чхончжи-ван из Нефритового дворца.
- Как его найти?
- Возьмите это, – сказала мать и дала сыновьям семена тыквы.

Посадили их братья в день быка первого лунного месяца, и ко дню быка четвертого месяца выросли плети до самого неба. Братья поднялись в Нефритовый дворец, отыскивали отца, и тот спросил:

- Как ваши имена и кто ваша мать?
- Нас зовут Тэбёль-ван и Собёль-ван, а наша мать – Пагиван.

В доказательство братья показали отцу гребень, кисть и нить, которые дала им мать.

– Несомненно, вы мои сыновья, – сказал Чхончжи-ван. – Как вам живется на земле?

– В нашем мире два солнца и две луны. Поэтому люди сгорают при солнечном свете и замерзают по ночам, – ответили братья.

Тогда вручил им Чхончжи-ван железный лук в тысячу кын* и стрелы и сказал:

- Сбейте с неба одно солнце и одну луну.

Спустились братья на землю и пошли стрелять в небесные светила. Тэбёль-ван оставил одно солнце на небе, а другое сбил стрелой. Расколосось второе солнце и превратилось в мириады звезд на востоке. Вслед за ним Собёль-ван сбил

* Кын – старинная корейская мера веса, равная 600 г.

вторую луну, и тогда засияли мириады звезд на западе. Так в мире остались только одно солнце и одна луна. На востоке зажглась Утренняя звезда, на западе – Сумеречная, на юге – Звезда старика, а на севере – семь звезд Большого Ковша. Посередине небосвода – звезды Кёну и Чиннё, новые ночные звезды и двадцать восемь лунных стоянок.

Потом Собёль-ван сказал Тэбёль-вану:

– Пускай один из нас установит порядок в земном мире, а другой – в загробном.

– Хорошо, – согласился тот.

Однако оба брата желали править на земле.

– Давай отгадывать загадки. Кто выиграет, тому достанется мир живых, кто проиграет – отправится в мир мертвых, – предложил Собёль-ван.

– Давай, брат. Тогда ответь, какие деревья сбрасывают листья, а какие нет? – спросил Тэбёль-ван.

– Деревья с полыми стволами сбрасывают листья, а низкорослые – нет.

– Эх ты, горемыка! Не говори того, чего не знаешь. Бамбук и тростник тоже полые внутри, а листьев не роняют. Тогда ответь, отчего на холме трава коротка, а в овраге высока? – снова спросил Тэбёль-ван.

– От весенних дождей земля с холма сползает в овраг, оттого на холме трава коротка, а в овраге высока.

– Эх ты, горемыка! Не говори того, чего не знаешь. Отчего же тогда у человека на голове волосы длинные, а на ногах короткие?

Снова проиграв, Собёль-ван сказал:

– Брат, давай посадим цветы. Чей цветок расцветет пышным цветом, тому править миром живых, а чей зачахнет – миром мертвых.

– Хорошо придумал, – согласился Тэбёль-ван.

Отправились братья к королю преисподней Чибу-вану, набрали цветочных семян и посадили в серебряную, медную и деревянную чаши. У старшего брата цветок расцвел пышным цветом, а у младшего зачах.

– Давай-ка, брат, вздремнем, – предложил Собёль-ван.

– И то верно, – согласился Тэбёль-ван.

Старший брат сразу заснул, а младший закрыл внешний глаз, открыл внутренний, потом поменял местами чаши с цветами и говорит:

– Брат, давай-ка пообедаем.

Проснулся Тэбёль-ван и увидел, что младший брат забрал себе его пышный цветок, а ему подложил чихлый.

– Эх ты, горемыка! Раз так, тебе править миром живых. Наверняка при твоих законах заполонят его воры, предатели и убийцы. Будут мужья бросать своих жен, а жены – мужей и уходить к чужим супругам. А я сотворю законы для загробного мира. И будут они простыми и ясными. Берегись, если загубишь дело!

Старший брат отправился в подземное царство, а младший позвал Сумёнчанчжу и сказал:

– Много зла ты натворил, нет тебе прощения!

Собёль-ван приказал принести на передний двор дубины, а на задний соломорезку – и казнил Сумёнчанчжу. Потом он перемолол его кости и плоть и развеял по ветру. Превратились плоть и кровь злодея в мух и комаров, в клопов-кровососов, которые разлетелись и расползлись по всей земле.

Расправившись с Сумёнчанчжой, Собёль-ван исправил человеческие пороки, разграничил добро и зло и стал царствовать в мире, заботясь о счастье и процветании.

Это отрывок из «Чхончжи-ван понпхури», или «Песни о небесном владыке», с острова Чечжудо*. Этот миф исполняется и по сей день и был неоднократно задокументирован. Стержень повествования во всех источниках один и тот же, но детали могут отличаться. Так, Сумёнчанчжа встречается под именами Свимен или Свемен; в одном варианте король Чхончжи-ван надевает на Сумёнчанчжу свой платок, в другом – покрывает его голову железной сеткой. Земную

* Рассказ о небесных светилах взят из «Чхогамчже». «Чхогамчже» и «Чхончжи-ван понпхури» отчасти совпадают по содержанию и дополняют друг друга.

супругу Чхончжи-ван, Пагиван, нередко называют Чхонмён-аги или Чхонмён-пуин. В описании противостояния короля Чхончжи-вана и Сумёнчанчжи, Тэбёль-вана и Собёль-вана также существуют некоторые различия. Приведенный здесь пересказ основан на версии Пак Пончхуна 1930 года (Т. Акиба, Ч. Акаматцу. Исследования корейского шаманизма. Издательство «Окхо-сочжом», 1937). Однако в этом источнике опущен эпизод о состязаниях братьев за право господства на земле. Его я позаимствовал из рассказа Чон Чубёна (Хён Ёнчжун. Энциклопедия шаманизма острова Чечжудо. Издательство «Сингумунхваса», 1980).

В этом мифе описаны несколько этапов противоборства. Сначала говорится о конфликте человека с человеком: могучий Сумёнчанчжа пытается получить господство над людьми. Пользуясь незаурядной силой, он подавляет окружающих и присваивает чужое имущество. Его правомерно считать первым на земле злодеем или прототипом всех злодеев.

Интересна природа силы этого героя. В мифе говорится, что Сумёнчанчжа держал свирепых лошадей, быков и собак, из-за чего люди не осмеливались дать ему отпор. Названные здесь животные с давних времен живут рядом с человеком и служат ему, однако так было не всегда. Вероятно, в начале времен они были дикими и непокорными, как медведи или волки. Возможно, Сумёнчанчжа – первый, кому удалось приручить их. Сделав то, что не сумел никто другой, он мог претендовать на роль властелина мира. Хотя подавление окружающих силой – несомненное зло, описанная здесь ситуация, если разобраться, не может быть оценена однозначно. В мире, представленном в этом мифе, еще нет дифференциации добра и зла; это мир, в котором ценилась сила. Необходимо помнить, что начало размежеванию добра и зла положил Собёль-ван, но случилось это позже.

Бесстрашный Сумёнчанчжа бросает вызов самому благородному существу на небе и земле – богу Чхончжи-вану, которого отождествляют с Нефритовым императором*. Получив вызов, Чхончжи-ван

* Встречающееся в источниках наименование «Нефритовый император Чхончжи-ван» указывает на то, что речь идет об одном персонаже. При этом однозначно утверждать сложно, поскольку иногда Нефритовый император и Чхончжи-ван предстают как два разных бога. Данный вопрос требует глубокого исследования.

решает наказать дерзкого Сумёнчанжу. Так разворачивается первое противостояние человека и бога, в ходе которого задействуется магия божественной силы. Символически выраженная в образах взобравшейся на крышу коровы и ходячего горшка, она выходит далеко за пределы реальности и существующего порядка вещей. Эта сила неподвластна человеку. Человеческому взгляду не дано проникнуть во все тайны мироздания.

Итак, Сумёнчанжа оказывается беспомощен перед божественной силой. Однако этот герой не так прост. Он не проявляет страха и не покоряется. Вместо того чтобы молить о пощаде, Сумёнчанжа зовет слугу и приказывает взять топор и разбить ему голову. Этот парадоксальный ход обнаруживает его гордость и силу воли. Было бы неинтересно, если бы он, будучи представителем человеческого рода, пал ниц перед спустившимся с небес богом.

Столкнувшись с такой неожиданной реакцией со стороны противника, Чхонджи-ван прекращает пытку и отступает. Это выглядит как побег, и смысл его поступка не совсем ясен. Почему Чхонджи-ван просто уходит? Неужели он подавлен мощью духа Сумёнчанжи? Или решил, что наказание состоялось? А может, благородный бог просто не мог вынести вида человеческой крови? Сложно найти ответ, но на что хотелось бы обратить внимание, так это на воплощенное в этой сцене мифологическое представление об отношениях человека и бога. Мифы утверждают, что существует предел вмешательству богов в дела людей. В корейской мифологии не принято, чтобы боги вторгались в земной мир и убивали человека только из-за того, что чем-то недовольны. На земле все дела вершат сами люди. Пожалуй, это главная идея корейского мифологического миропонимания. Именно на земле должен родиться герой, который покорит Сумёнчанжу и восстановит покой.

Такой герой рождается в результате союза небесного бога Чхонджи с земной женщиной Пагиван, или Чхонмён-пуин. Тот, вероятно первый, брак бога с человеком, или союз неба и земли, случился естественно, как будто они изначально были одним целым. Между тем описание очень романтично: бог влюбляется, услышав, как женщина расчесывает волосы нефритовым гребнем. Они проводят вместе всего три дня. Все же небо и земля далеки друг от друга. Тем не менее их союз приносит плод – рождаются светозарные близнецы Тэбёль-ван и Собёль-ван. Они не только кровные братья,

но и соперники. Плечом к плечу они делают мир пригодным для жизни, сбивая из железного лука одну из двух пар небесных светил, а затем состязаются за право господства на земле.

В большинстве мифологических источников история о небесных светилах является ключевой, при этом ее содержание может различаться. Как мы видели ранее, в «Чхансега» из Хамхына лишние солнце и луну устраняет Майтрея. Так подчеркивается ведущая роль бога-демиурга. С другой стороны, в «Самтхэчжа-пхури» из Пхеньяна говорится, что Майтрея, передавая мир Шакьямуни, спрятал солнце и луну в рукав, а тот пытался их найти. В «Сирумаль» из Хвасона есть история о том, как братья-близнецы Сомун и Хумун, сыновья Танчильсона из небесной страны и госпожи Мэхвы из подземелья, сев на облако, поднялись по мосту-радуге на небо, где встретились с отцом; после этого они сбили железными стрелами лишние солнце и луну и отправили их во дворцы Чесоккун и Мёнмогун. Сюжет почти полностью идентичен сюжету мифа о Тэбёль-ване и Собёль-ване.

История о солнце и луне действительно впечатляет. Особенно изумляет метод, с помощью которого в мире устанавливается желаемый порядок. Солнце и луна – божественные сущности; казалось бы, им надлежит поклоняться. Вместо этого их сбивают железными стрелами. Стрелы точно поражают цель, и небесные светила разбиваются на куски. В этом эпизоде ощущаются яростный вызов и новаторское мышление. Здесь присутствует принципиально иная установка, чем тоска по утраченному раю. Путем активной борьбы люди вырываются из близкой к антиутопии среды и прокладывают дорогу в новую жизнь. Такова историческая идея, заключенная в корейском мифе о творении.

Разобравшись с небесными светилами, Тэбёль-ван и Собёль-ван вступают в противоборство, чтобы решить, кому из них править земным миром, а кому – загробным. От того, кто встанет во главе каждого из миров, зависит порядок вселенной. Возможно, среди множества состязаний в начале времен это наиболее важное. Именно оно определило судьбу человечества.

Состязание братьев разворачивается в два этапа: разгадывание загадок и выращивание цветов. Учитывая, что на кону стоит судьба мира, такие формы соперничества кажутся не самыми подходящими, однако, если постараться увидеть в них символы, они обретают

глубокий смысл. Разгадывание загадок представляет собой состязание в мудрости. Немало ее нужно, чтобы установить в мире надлежащий порядок. Что же касается цветочного состязания, то оно проверяет способность соперников возвращать и приумножать живое. Тот, под чье руководство и опеку попадет земля, должен прежде всего уметь пестовать жизнь.

В обоих состязаниях превосходство остается за Тэбэль-ваном. По сравнению с мудрым и великодушным старшим братом младший предстает ограниченным и небрежным. Однако именно Собэль-вану достается победа. Он одерживает верх уловками и подлостью. Заполучив земной мир, Собэль-ван наказывает злодея Сумёнчанчжу и разграничивает на земле добро и зло. Однако установленный им порядок далек от совершенства. Как и предсказывал Тэбэль-ван, в мире распространяются коварная алчность и сумятица – их порождает сам человек, воплощенный в образе Собэль-вана. Отчасти это происходит из-за выбранного им пути уловок и подлости, отчасти – из-за насилия, к которому он прибегнул. Стерев кости Сумёнчанчжи в порошок, Собэль-ван рассчитывал избавиться от царившего в мире хаоса, однако последовали «побочные эффекты». Превращение праха злодея в кровососущих насекомых прямо свидетельствует об ущербе и несостоятельности правления Собэль-вана.

В истории расправы над Сумёнчанчжой и упорядочивания вселенной показан исторический переход от первобытной жизни к цивилизации. Когда-то миром правил человек, обладавший могучей звериной силой, но его царствование не могло длиться вечно. Мир переходит к тому, у кого есть мудрость и власть. Таким образом, Собэль-вана, положившего начало новой эпохе, можно назвать богом цивилизации и вторым творцом. Но, как уже было сказано, проблема заключалась в том, что его творение было несовершенным. Человеческая цивилизация, покорив природу, ступает на долгий путь распрей и противоречий. Такова историческая правда, выходящая за рамки мифа.

Чрезвычайно важной представляется фигура Тэбэль-вана (или Майтреи). Истинный мудрец, способный проникать в суть вещей и спасать жизни, он не смог взять на себя ответственность за мир живых. Можно об этом сожалеть, однако это не значит, что его роль сведена на нет. Он становится светом для людей в другом, незримом мире, который мы называем загробным. Завершив свой путь

в печальной земной юдоли, человек попадает в иной мир, где царит закон, установленный Тэбёль-ваном. Там все просто и ясно. На том свете любая кривизна исправляется и все раны исцеляются.

Передав земной мир брату и удалившись в загробное царство, Тэбёль-ван становится для людей спасителем и источником надежды. Произнесенные им напоследок слова «Берегись, если загубишь дело» можно истолковать как обещание вмешаться, если безумие переполнит землю. Он – будущий спаситель, его второе имя – Майтрея. Из этого мы можем понять, почему в «Чхасага» богу-демиургу дано это имя. Оно связывает творца мира с будущим спасителем.

Любопытно было бы узнать о последующих деяниях Тэбёль-вана и Собёль-вана как правителей двух миров. Но мифы об этом умалчивают, даже их имена встретить непросто. В некоторых источниках попадаются краткие упоминания вроде «владыка неба Чхончи-ван», «владычица земли Пагиван», «владыка мира мертвых Тэбёль-ван», «владыка мира живых Собёль-ван», но не более. Возможно, эти боги важнее как символы, чем как акторы. Это значит, что в мифе следует смотреть не на то, кто и как правит вселенной, а на то, в каком состоянии она пребывает. Отец-небо и мать-земля. Свет и тьма в пространстве между ними. Это и есть наш мир – мир удивительной и бесконечной гармонии. Так что боги всегда рядом.

В ПОИСКАХ СЛЕДОВ БОГИНИ ТВОРЕНИЯ

Наполненные необычными символами понпхури о создании мира можно считать прототипами мифов о творении. Однако, знакомясь с источниками, невольно задаешься вопросом: почему все без исключения божества, которым отводятся главные роли в сотворении вселенной, мужского пола? За исключением супруги Чхончи-вана Пагиван (Чхонмён-пуин), родившей ему сыновей-близнецов, все остальные герои: Майтрея, Тосумунчжан, Сумёнчанчжа, Собёль-ван, Тэбёль-ван, – мужчины. Как это следует трактовать?

Если источники предлагают подобную картину мира, пожалуй, правильнее будет принять ее и постараться понять. Важнее изучать символы и значения, заложенные в тексте, а проблему пола можно

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

